

Профессор С. В. ТРОИЦКИЙ

СВЯТОЙ МЕФОДИЙ ИЛИ БОЛГАРСКИЙ КНЯЗЬ БОРИС СОСТАВИЛ ЗАКОН СУДНЫЙ ЛЮДЕМ?

Наш взгляд на происхождение Закона судного людем (далее ЗС), защищаемый в «Ежегоднике Православной Церкви в Чехословакии» за 1963 год и в других наших статьях¹, встретил ряд возражений в статье болгарского автора Михаила Андреева «Был ли Закон судный людем составлен в Македонии и славянский первоучитель Мефодий был ли его автором?» Статья помещена в изданном Болгарской Академией наук «Сборнике в честь Кирилла и Мефодия» — «Тысяча и сто лет славянской письменности»². Хотя статья эта и помещена в сборнике «в честь Кирилла и Мефодия», однако написана она в честь болгарского князя Бориса, а не словенского просветителя Мефодия, так как она, как и другие статьи Андреева, пытается доказать, что происхождение ЗС связано с Средневековой Болгарией и с крестителем Болгарским — князем Борисом, тогда как Мефодий не имел никакого отношения к происхождению этого памятника и таким образом честь составления этого первенца славянской литературы от св. Мефодия отнимается.

Постараемся вернуть славянскому просветителю эту честь.

Статья Андреева состоит из 9 отделов. В 1 и 2 отделах (стр. 321—323) дается перечень заглавий более важных трудов о ЗС и выражается сожаление, что автор статьи «Святой Мефодий как славянский законодатель», помещенной в «Журнале Московской Патриархии»³, не дал научного аппарата относительно использованной литературы для более детального развития защиты или критики его тезы, и добавляется: «Сожаление по поводу этого упущения увеличивается ввиду того, что самый текст изложения указывает на эрудицию автора не только в области канонического права, но и в области филологии и истории права».

И нам приходится выразить сожаление, что критик считается только с краткой нашей статьей в этом церковном журнале, представляющей собою в сущности только резюме нашей обширной статьи во втором сборнике «Богословских трудов»⁴, где к статье приложена и не изданная до сих пор фототипия взятого из древнейшей рукописи текста ЗС по Иасафовской Кормчей, игнорируемой Андреевым, и на девяти страницах петита дан обширный научный аппарат.

Перечисляя сторонников болгарской и моравской теорий происхождения ЗС, Андреев не упоминает о том, что некоторые сторонники болгарского и почти все сторонники моравского происхождения автором этого памятника считают не князя Бориса и никого другого, а Мефодия.

Критик не признаёт значения за моравской теорией, так как чисто филологическая интерпретация этого юридического памятника не может разрешить сложного вопроса его (ЗС) происхождения. «Действительно, доказательства филологического характера не могут выяснить всех деталей происхождения памятника, например, времени и места его

происхождения, но доказательства авторства Мефодия путем сравнения текста ЗС с текстом юридических, несомненно, принадлежащих ему памятников — канонической части Номоканона и анонимной гомилии Клозова сборника, — достаточно убедительны.

В третьем отделе статьи Андреев излагает содержание нашей краткой статьи. Нужно, однако, сказать, что, в общем верно излагая содержание нашей статьи, критик не упоминает некоторых подробностей, сообщающих большую убедительность защищаемым в статье положениям, например, упоминания о том, что каноны Трулльского Собора добавлены к Номоканону впоследствии, что дает право считать ЗС за вторую часть Номоканона, и др. Конечно, много больше подробностей, подтверждающих наши тезисы, дано в большой нашей работе, оставшейся неизвестной Андрееву.

Следующие пять отделов (4—8, стр. 326—334) Андреев посвящает критике нашей статьи, но его доводы неубедительны, а иногда противоречивы и побивают друг друга.

На стр. 22 авторство Мефодия оспаривается тем доводом, что ЗС могли составить и другие писатели и просветители и что, если бы ЗС был составлен лицом, хорошо знающим и церковное и гражданское право, это лицо составило бы не компиляцию из Эклоги, а новый закон применительно к экономическому и социально-политическому устройству и культурно-бытовым условиям славянской страны.

Но, во-первых, ни об одном из славянских писателей и просветителей этой эпохи неизвестно, что кто-нибудь из них был не только тонким юристом и прекрасным знатоком Священного Писания, но вместе с тем занимал ответственную и высокую должность славянского князя пограничной (византийской) области со славянским населением, а во-вторых, сам же критик на страницах 332—333 разбивает это свое возражение, доказывая, что даже как клисурарх⁵ Мефодий будто бы не имел права издать новый закон, так как в Византии законодательство находилось в исключительной власти императора. Но если даже клисурарх, по мнению Андреева, не мог издать ЗС, то как же он утверждает, что всякий другой славянский писатель или просветитель мог это сделать?

С другой стороны, если на стр. 332—333 критик утверждает, что Мефодий, будучи клисурархом, не имел права издать ЗС для подчиненного ему войска, то как же на стр. 327 он утверждает, что составитель ЗС, как лицо с исключительными знаниями в области церковного и светского законодательства, должен бы издать новый закон, а не писать компиляцию Эклоги, созданной при других социальных, политических и культурно-бытовых условиях? На самом деле ЗС давал Мефодию именно то, что ему было нужно, как военачальнику, для осуществления возложенной на него главной задачи — защиты византийской границы от нападения болгар путем организации дисциплинированного и верного Византии войска, тогда как вмешательство в веками сложившиеся строй и быт славянской страны ему было не только не нужно, но даже и опасно, поскольку могло вызвать возмущение славянского населения Стримона против власти грека — Мефодия.

На стр. 327 критик утверждает, что упоминание в пятнадцатой главе Жития Мефодия о переводе им Номоканона нельзя относить к ЗС по двум причинам: 1) Житие говорит о переводе Номоканона, а ЗС есть не перевод, а компиляция и 2) ЗС добавлен не непосредственно к каноническому своду, а между ними находится несколько канонов Трулльского Собора и правила апостолов Петра и Павла. Но, во-первых, критик замалчивает наше указание, что слово Номоканон означает сборник не только канонов, а и законов, что подчеркивает и Житие словами: «Номоканон рекъше закону правилу»⁶ и, значит, говорит о сборнике, в котором находятся не только каноны, но и законы. Между

тем, в переводе Схоластикова свода никаких законов нет и, следовательно, Житие понимает перевод не только этого свода, но и ЗС. А во вторых, ЗС есть компиляция главным образом из переведенных глав Эклоги, так же как и перевод канонического свода Схоластика, в котором есть и сокращения греческого оригинала, а в начале и конце есть добавления из других источников, подтверждающие утверждение филологов, что составление славянского канонического свода и ЗС сделано одним и тем же автором. В-третьих, действительно, между переводом канонического свода Схоластика и ЗС находится перевод одного апостольского и нескольких канонов Трулльского Собора⁷ и правил не только апостолов Петра и Павла, а сначала только ап. Павла, но правила этих апостолов, взятые из Апостольских Постановлений⁸, переведены и добавлены к переводу Схоластикова свода самим Мефодием, что доказывает язык их перевода, так что они составляют органическую часть Мефодиева номоканона, как необходимое дополнение к его канонической части, и потому ЗС является непосредственным продолжением канонической части Номоканона⁹, тогда как текст и язык перевода Трулльских канонов доказывает, что эти каноны взяты из болгарского перевода Кормчей XIV титулов без толкований и включены в текст Мефодиева номоканона позднее кем-то другим уже в Болгарии.

На стр. 327 критик возражает против нашего утверждения, что слово «люди» в ЗС употребляется в узком смысле воинов, а в примечании 3 говорит, что, хотя нельзя озаглавить закон словами «Закон для людей», но будто бы можно озаглавить «Закон для суда над людьми» или «Закон о порабощении людей». Но вряд ли кто видел подобное заглавие законов. А если бы критик ознакомился с нашей большой статьей «Св. Мефодий как славянский законодатель», он бы из примечания 35 увидел, что употребление слова «люди» в смысле воинов в ту эпоху было обычным и на Руси. Участвовать в битве и в дележе военной добычи и получать жалованье воинов могли, конечно, только воины.

Неудачно оспаривает критик и наше утверждение, что ЗС везде, кроме гл. 7, где он, ссылаясь на «закон людской», т. е. на Эклогу, воспроизводит ее текст, везде имел в виду только мужчин, но не женщин. Критик указывает на гл. 4 ЗС, которая будто бы налагает наказание на «рабыню безчиньницу». На самом деле слова «являющейся безчиньницы» не относятся к рабыне, а к прелюбодеянию мужа и словом «безчиньница» переведено греческое слово «прагма», имеющее нейтральный смысл всякого — как хорошего, так и худого — дела, а Мефодий, как и в последней главе («безчиньницѣ людскыя въ великый съоудъ Божий...»), понимает под этим дело «без чина», нарушающее чин, нравственный порядок. И наказывается по этой главе вовсе не рабыня — обычно византийские уголовные законы наказания рабов не имеют в виду, предоставляя их наказывать их владельцам, да и ЗС нигде не говорит о наказании рабов. Не говорит он о наказании рабыни и в данном случае — продажа рабыни в далекую страну вовсе не есть наказание для нее, так как она и после продажи остается в том же рабском положении, в каком была до продажи, и ее положение даже может улучшиться, если она попадет к более доброму господину, а есть необходимая мера против возможности возобновления незаконной половой связи с ее женатым господином. Наказывается по четвертой главе только господин рабыни, так как он не только теряет рабыню, но и подвергается тяжелой семилетней епитимии, во время которой должен питаться только хлебом и водой.

«Глава 12,— пишет критик,— предвидит санкции за кровосмешение не только за мужа, но и за жену». На самом деле эта глава никаких санкций ни на мужа, ни на жену не налагает, а требует лишь: «да разлучаться».

«Ст. 6 на ЗС,— пишет критик,— налага наказательны санкции на калугер», и на основании этого оспаривает наше утверждение, что ЗС имеет в виду только воинов. На самом деле эта глава говорит не о монахе, а о монахини как объекте преступления — блуда, но никакого наказания на нее не налагает. Критик, по-видимому, считается с Устюжской Кормчей, где середина главы стерта, а сохранились только начало и конец главы: «Блядоущооумоу черньцю.. по цркъвномоу закону, постъ еї лѣт прилагаіеться іемоу». И слово «черньцю» критик принимает за датив или аблятив от слова «черньц» — монах. Но если бы он посмотрел греческий оригинал статьи в Эклоге и древнейшей славянский текст в Иасафовской Кормчей, он бы увидел, что «черньцю» — аккузатив от слова «черньца» — монахиня, так как в Эклоге (XVII, 23) оригиналом слова «черньцю» является греческое слово *μοναστρια* — монахиня, а в Иасафовской Кормчей, фотогиппия которой приложена в нашей статье в «Богословских трудах», сб. 2, с. 125, эта глава гласит: «Блудящему в черноризицу по закону людскому нос ему урѣзают, а по церковному закону в постъ еї лѣт да прилагаются ему» (лист 39а).

Таким образом и эта глава подтверждает, а не опровергает наше утверждение, что ЗС имеет в виду только мужчин.

«Войска, която в мирно време би вършила по навик вснчки тези престъпления, за които се говори в ЗСЛ, би била банда от разбойници, а не народно опълчение», — пишет критик.

Но ведь как ЗС, так и наша статья говорят не о массовых преступлениях войска, а лишь о преступлениях воинов, отдельных лиц.

«Мисля, че историческите сведения, които имаме за стримонците и за южните славяни въобще, не ни позволяват да им припишем такива пороци».

Но ЗС имеет в виду только одно славянское племя, только стримонцев, а не вообще южных славян, а по свидетельству византийских источников, стримонцы отличались особенною склонностью к пиратским нападениям с целью захвата добычи, особенно рабов¹⁰.

Критик указывает, что главы ЗС о овидетелях и пользовании чужим конем не имеют отношения к войску. Да, но имеют отношение к суду над воинами, а конь по 24 главе ЗС имел более важное значение для воина, чем даже оружие.

Критик указывает, что ЗС наказывает только одно преступление военного характера — преступление во время войны. Но наша статья и не доказывает, что ЗС посвящен преступлениям военного характера, а говорит лишь, что ЗС посвящен борьбе с преступлениями воинов, хотя бы и в мирное время, а это не одно и то же. Критик указывает, что вероотступничество может быть и даже обычно бывает и не во время войны. Но ЗС говорит о вероотступничестве только пленника, а в плен попадают обычно воины во время войны. По мнению Андреева, законы о наказаниях иногда формулируются так, что в них говорится только о мужчинах, но отсюда не следует, что за те же преступления не наказываются и женщины. На самом деле законы обычно формулируются так, что о поле преступников не говорится, а если найдутся такие законы, в которых упоминаются только мужчины, а разумеются и женщины, то значит, что такие законы сформулированы неудачно. А ЗС не упоминает о наказаниях женщин и тогда, когда его оригинал — Эклога упоминает. Например, 6 глава ЗС (по Устюжской Кормчей) есть перевод 23 главы XVII титула Эклоги, и Эклога наказывает за блуд с монахиней отрезанием юса как блудника, так и монахиню, тогда как ЗС так наказывает только блудника, но не монахиню. 27 глава Эклоги того же титула наказывает вступившего в половую связь с замужней женщиной и женщину, а 7 глава ЗС наказывает только мужчину, но не женщину. Эклога запрещает во второй главе второго титула брак кума с крестницей, но XVII глава Эклоги, гово-

рящая о наказаниях, забывает об этом и не упоминает о таком браке. а ЗС, как обычно, исправляет в 7-й (8-й) главе Эклогу, наказывает пятнадцатилетней епитимией только кума, но не крестницу.

Критик находит неправильным понимание третьей главы ЗС в том смысле, что по одной шестой части военной добычи получает как князь, так и жупаны вместе, и считает, что только $\frac{1}{6}$ часть добычи идет и на князя и на жупанов. Но по третьей главе ЗС $\frac{1}{6}$ часть идет исключительно в распоряжение князя, который из нее может давать награды отличившимся жупанам, кметам и простым воинам, так что, если никто из жупанов не отличается в битве, то они ничего не получают из этой $\frac{1}{6}$ части. Кроме того, если считать, что «часть княжа» идет не только на князя, но и на жупанов, то непонятно, как же эта часть делится между князем и жупанами, а в регламентации такого деликатного вопроса недопустима никакая неясность, а особенно порочная во внимание засвидетельствованную византийскими источниками¹¹ жадность жупанов и стремление византийцев «сохранить их симпатии»? Критик справедливо указывает, что если как князь, так и жупаны получают по шестой части, то для равномерного распределения добычи между всеми участниками битвы и оставшимися при обозе останется не $\frac{5}{6}$ а лишь $\frac{4}{6}$ добычи, что не согласно с началом 6-й главы. Но тут нужно видеть случайный недосмотр ЗС, добавившего в текст Эклоги упоминание о том, что и жупаны получают «часть княжу», предвзительно не изменив перевода предшествующих строк своего греческого оригинала — XVIII титула Эклоги.

Защищаемый им способ дележа добычи критик объясняет тем, что старое славянское право не знает понятия «държавно съкровище», но ведь и сам критик соглашается с нашим утверждением, что ЗС составлен тонким юристом, и неужели такой составитель не знал такой азбуки византийского государственного права, что *τὸ δὴμοσίον ταιμεῖον* означало фиск?

В седьмом отделе статьи критик доказывает, что Мефодий не имел права издать ЗС, так как в Византии право законодательства принадлежало только императору, но он упускает из виду, что ЗС Мефодий издал не от своего лица, а от лица Константина V, о котором упоминается в первой главе ЗС, от имени которого и его отца Льва III издана Эклога, и что в ЗС постоянно делаются ссылки то на «первый закон», то на «Божий закон», то на «црквени закон», то на «людьски закон», а подобные краткие сборники как канонов, так и гражданских законов в Византии составлялись и частными лицами, а ЗС Мефодий издал для войска, над которым он имел неограниченную власть. Правда, Мефодий в своем сборнике несколько изменил содержание некоторых глав Эклоги, но в своем своде канонов он изменяет и текст некоторых канонов, например, 3-й апостольский канон, 9-й канон Халкидонского Собора, 11-й канон Сардийского Собора, 85-й канон Василия Великого. Таким образом, нет ни малейшего основания оспаривать авторство Мефодия в отношении ЗС, указывая на то, что он будто бы не имел права издать такой сборник.

Странное возражение, и притом самым авторитетным тоном, делает критик против нашего утверждения, что протограф ЗС был написан греческими буквами. «Напротив,— пишет он,— это прямо невероятно как вследствие великой древности языка этого закона, который свидетельствует о его великой древности, так и вследствие правильной переписки всех встречающихся в тексте славянских слов».

Но как раз наоборот: именно великая древность языка ЗС и доказывает, что он мог бы написан только греческими буквами, так как в четвертом десятилетии IX века, когда Мефодий писал ЗС, ни

кириллица, ни глаголица еще не существовали и славяне, по свидетельству черноризца Храбра, писали греческими (на востоке) и латинскими (на западе) буквами. В том же сборнике Болгарской Академии Наук перед статьей Андреева помещена статья профессора Ивана Снегарова, где этот авторитетный болгарский ученый на стр. 316 высказывает предположение, что Храбр видел в Болгарии или Византии славянские книги, написанные греческими буквами, и сообщает, что такая же практика существовала и в Болгарии до Возрождения. По свидетельству 10-й главы Паннонского Жития св. Кирилла, Мефодий после хазарской миссии и, следовательно, задолго до миссии Моравской перевел на славянский язык беседы своего брата с хазарами, «раздѣль я на осмь слѣвес»¹² и, конечно, он мог писать и этот перевод только греческими буквами.

Критик возражает, что если бы протограф ЗС был написан греческими буквами, то в славянской переписке должны бы сохраниться следы написанного греческими буквами оригинала. Но ведь со времени написания протографа ЗС в IX веке до написанной славянской древнейшей рукописи ЗС в 1280 году прошло более четырех веков, в течение которых ЗС переписывался много раз и потому следы греческого протографа могли и исчезнуть. Все же у нас указаны два следа греческого оригинала — две ошибки в цифрах, а именно, что в 10-й главе греческая цифра Π̄ была прочитана славянским переписчиком как К, а в 17-й главе греческая цифра К как ІВ̄, в подтверждение чего в нашей большой статье сделана ссылка на фототипии древнегреческих рукописей в классическом труде о греческой палеографии Гартгайзена, а Андреев переставляет буквы Π̄ и Β̄, вследствие чего отмеченного сходства у него не оказывается.

Андреев предполагает, что в данных случаях ошибки произошли просто вследствие невнимательности переписчиков. Но тогда эти ошибки встречались бы лишь в некоторых рукописях ЗС, а не во всех рукописях краткой редакции, откуда следует, что эти ошибки были сделаны еще при переписке написанного греческими буквами протографа ЗС.

В последнем, девятом отделе Андреев пытается доказать, что в Стримоне не существовало условий, требовавших составления ЗС, и, раскрывая давний мотив, побудивший его возражать против нашей новой теории происхождения ЗС, доказывает, что таковые условия для происхождения ЗС существовали только в Болгарии. В этом отношении статья Андреева довольно типична для некоторых болгарских авторов.

Во второй половине IX века и в X веке в Болгарии создалась богатая славянская литература, памятники которой, не попавшие на Русь, на Синай, в Палестину, почти все были уничтожены во время господства в Болгарии греков и турок. И вот нередко болгарские патриоты пытаются доказать болгарское происхождение и таких древних славянских памятников, которые в действительности составлены в других славянских землях. Ведь были попытки доказать болгарское происхождение даже Кормчей св. Саввы, так как эту Кормчую Русь получила через посредство Болгарии.

«Хорошо известно,— пишет Андреев,— где, в какой стране христианство было введено как официальная государственная религия путем прямой интервенции государственной власти при решительном сопротивлении язычества. Известно, что так было в средневековой Болгарии, но ни в какой другой славянской стране» (стр. 335).

Но вот что пишет сам Андреев в «Русском архиве» за 1953 г., стр. 10, прим. 5: «В Чехии в эпоху князя Вацлава (921—929) разразился конфликт между создавшейся тогда феодальной верхушкой и широкими народными массами. Конфликт превратился в могучее народ-

ное движение, которое проводилось под лозунгом язычества. Это движение было умело использовано братом чешского князя Болеслава, за которым стояла значительная часть старой поземельной аристократии». К этому нужно добавить, что Болеслав убил брата, но был в 950 году побежден королем, а потом императором Оттоном I (936—972) и по его приказу Болеслав своим законом сделал христианство латинского обряда государственной религией Чехии.

А вот что пишет о введении христианства на Руси корифей русской исторической науки академик Е. Е. Голубинок: «Современная покорность русских в деле перемены веры воле князя и так называемое мирное распространение христианства на Руси есть не что иное, как невозможная выдумка наших неумеренных патриотов. Нет сомнения, что введение новой веры сопровождалось немалыми волнениями в народе, что были и открытые сопротивления и бунты, хотя мы и не знаем о них никаких подробностей. О крещении новгородцев сохранилась поговорка, что «Путьята крестил их мечом, а Добрыня (дядя Владимира) огнем». Это, очевидно, значит, что в Новгороде новая вера была встречена открытым возмущением и что для подавления последнего потребовались и были употреблены самые энергичные меры. Очень возможно, что подобные возмущения были и не в одном Новгороде». А в примечании Голубинский сообщает, что в Новгороде «князья нашли нужным обнести дом епископов кремлем или крепостью для их безопасности от их паствы»¹³.

Да и в Польше введение христианства государственной властью вызывало народное возмущение.

Таким образом, возмущение 52 бояр против новой веры в Болгарии вовсе не является единственным исключением.

Насильственный характер имело введение христианства и между славянским населением Стримона, о чем свидетельствует декрет покорителя Стримона — Константина V против язычества, содержание которого приведено в первой главе ЗС. Но этот декрет был издан в 758—759 гг.¹⁴, тогда как ЗС был составлен во всяком случае после 830 года, когда Мефодий был назначен князем Стримона и, следовательно, спустя более 70 лет после декрета Константина, когда христианство уже укрепилось там, и потому содержание ЗС вовсе не производит впечатления острой борьбы в защиту христианства против язычества. Старания Андреева доказать противное неудачны. Особо убедительным доказательством он считает первые две главы ЗС. Действительно, первая глава говорит о строжайших мерах против язычества. Но, как было выяснено в нашей статье, эта глава изложена в нарративном, а не в императивном стиле, как остальные главы, и производит впечатление, что составитель ЗС, подражая Юстиниановым законодательным сборникам, начинающим постановлениями о религии, счел нужным начать свой сборник фразой: «Преже всякоя правды достойно о Божии вѣре глаголати»¹⁵ и напоминает стримонцам изданный специально для них декрет Константина V. Такие, имевшие только временное и местное значение, постановления в Византии не вносились в законодательные сборники и имели силу только при жизни издавших их императоров и упомянутый декрет потерял силу уже в 775 году, когда умер Константин V, а фактически даже и ранее, так как стримонцы уже в 768—769 гг. были свободны от византийской власти и, по свидетельству патриарха Никифора¹⁶, сам Константин V был вынужден вести с ним переговоры о выкупе пленных, захваченных ими во время их разбойничества на островах Имбресе, Тенеге и Самофракии.

Непонятно, как можно видеть проявление острой борьбы с язычеством во второй главе ЗС, где проявляется лишь забота о справедливости на суде и приспособление к местному обычному праву. Ни-

чего специфического христианского здесь нет. Проводимый здесь принцип галилона существовал и у древних евреев и в римском праве, тогда как Христос и Его апостолы учили своих последователей, что нужно отказаться от этого принципа (Мф. 5, 38—48; Рим. 12, 19—21; 1 Пет. 2, 23; 3, 9 и др.). И ЗС ссылается в этой главе не на христианские источники, а на еврейское Моисеево законодательство (Исх. 21, 23—25; Лев. 24, 19; Втор. 19, 21).

Абсолютно нет никаких следов борьбы, да еще острой, в защиту христианства во всех остальных главах ЗС и не могло быть, так как все эти главы с небольшими изменениями взяты из Эклоги, изданной, как недавно установлено¹⁷, 31 марта 726 г., когда никакой острой борьбы в защиту христианства не велось, и XVII титул Эклоги в самом конце упоминает о наказаниях только секты манихеев и монтанистов. А все изменения Эклоги в ЗС клонятся к смягчению установленных Эклогой наказаний. Единственным исключением является глава о праве убежища, но и здесь увеличение наказания нарушителям этого права делается с целью защиты незаконно преследуемых, а не для защиты христианства.

«Только обязательность христианства как официальной религии в обстановке острой классовой борьбы могла создать уголовные санкции за поджог (ст. 14—15), самоуправство (ст. 16—17), вероотступничество (ст. 2), квалифицированные кражи (ст. 23—30)», — пишет Андреев.

Но ведь все эти преступления карались и в языческом мире и обычно даже строже, чем их карает ЗС. Наказывались они и в христианских государствах и в те эпохи, когда в них уже никакой борьбы против язычества не было. Даже вероотступничество наказывалось в государствах, где существовала государственная религия. Как же можно видеть здесь доказательство того, что ЗС составлен для защиты христианства против язычества.

Андреев ищет спасение для болгарской теории происхождения ЗС в сходстве ЗС с ответами папы Николая I болгарам, но сам признаёт, что это сходство вопросов, рассматриваемых в ЗС, ограничивается сходством с вопросами, которых касаются папские ответы, но ответы на те же вопросы в ЗС даны совсем другие, чем в папских ответах, так что нельзя допустить, что автор ЗС руководился папскими ответами, и скорее можно предположить, что, составляя в 866 году список вопросов папе, Борис уже имел под руками составленный еще около 835 года в соседнем с Болгарией Стримоне ЗС и внес решенные здесь вопросы в этот список. Но и в таком правдоподобном предположении нет необходимости, так как сходство некоторых поднятых Борисом вопросов с вопросами, решенными в ЗС, легко объясняется некоторым сходством положения Бориса и Мефодия. Оба они были главами славянских государственных организаций, принявших христианство, и оба задавались задачей урегулировать их правовое устройство согласно христианским началам. Вообще, только стремление во что бы то ни стало присвоить Болгарии происхождение ЗС заставляет болгарских авторов ломиться в открытую дверь и в папских ответах на вопросы князя Бориса искать источник ЗС, тогда как на самом деле Эклога, Библия, правила Василия Великого, славянское обычное право, прекрасное знание Мефодием как Библии, так и византийского права и характер возложенной на него задачи в Стримоне исчерпывающим образом объясняют все содержание ЗС, так что для влияния на это содержание каких-либо других факторов в том числе и папских ответов, не остается места. Вместе с тем не только филологические данные¹⁸, но и упоминание в ЗС величайшего врага болгар Константина V с эпитетом святого, жестокий характер и невысокая степень образованности Бориса и, наконец,

полное отсутствие в этом памятнике упоминания хотя бы об одной особенности болгарского быта и государственного устройства доказывают абсолютную невозможность уравнивать этому памятнику болгарское происхождение.

Андреев так заканчивает свою статью: «В заключение нужно бы отметить, что новая теория профессора Троицкого о происхождении ЗС ни в каком случае не может считаться убедительной, но она интересна, как попытка дать новое освещение ряду важных вопросов, связанных с этим древнейшим юридическим памятником, и несомненно ценна благодаря новым толкованиям отдельных частей закона, и некоторые из этих толкований составляют вклад для их правильного понимания».

В свою очередь и мы должны признать за М. Андреевым ту заслугу, что своей статьей он дал повод нам подтвердить правильность новой македонской теории происхождения ЗС, которую Иван Жужек¹⁹ считает «очень привлекательной» («very attractive»), и доказать ошибочность болгарской теории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Закон судный людем, как памятник византийского права. Доклад на XII Международном конгрессе византологов в Охриде (Résumés des communications, Belgrad, 1961, p. 109—110 и Actes du XII Congrès International des Etudes Byzantines, t. II, Belgrad, 1961, p. 526—529). Святой Мефодий, как славянский законодатель («Журнал Московской Патриархии», М., 1961, № 12, с. 49—59). Святой Мефодий, как славянский законодатель («Богословские труды», сборник второй, М., 1961, с. 83—141).

Рецензия на издание Академии Наук СССР: Закон судный краткой редакци. Подготовили к печати М. Н. Тихомиров и Л. М. Милов. М., 1961 («Слово», № 13, Zagreb, 1963, с. 203—212).

² Михаил Андреев. В Македония ли е бил създаден Закон соудный людемъ и славянсия първоучител Методий ли е негов автор. (Издательство на Българската Академия на науките: Хиляда и сто години славянска писменост. Сборник в чест на Кирил и Методий. София, 1963, с. 321—337).

³ 1961, № 12, с. 49—59.

⁴ См. прим. 1.

⁵ Нужно признать совершенно правильным утверждение Я. Ферлуги, что «степень концентрации власти в руках клисураарха достигла максимума» (Зборник радова Византолошког Института, книга 2, Београд, 1953, с. 77).

⁶ Tadeusz Lehr-Splawinski, *Zywoty Konstantina i Metodega*. Poznan, 1959, с. 119. По авторитетному свидетельству В. Н. Бенешевича, название «номоканон» применялось к сборнику Схоластика лишь там, «где L титулов составляют только самостоятельную часть всего содержания» (Канонический сборник XIV титулов. СПб., 1905, с. 106. прим. 3).

⁷ В первых четырех строках и первом примечании на стр. 328 статьи немало ошибок. «Номоканон даден на л. 12—42 Устюжската Крмчија». На самом деле этот Номоканон, или точнее его каноническая часть, занимает листы от 7 до 49. «Каноны на VI Трулски събор» — 21—27, 31, 54, 69, 84, 89». К сожалению, Андреев сам не посмотрел Устюжскую Кормчую, а повторяет ошибки Срезневского. На самом деле здесь перед канонами Трулльского Собора приведено 17-е (в действительности 27-е) апостольское правило, 51 канон Трулльского Собора ошибочно помечен как 54, каноны 69, 84, 88, 89 на самом деле должны бы иметь цифры 70, 83, 87 и 88, так как взяты из болгарского перевода Кормчей XIV титулов, где канон 69 опущен, почему дальнейшие каноны имеют цифры меньше на единицу. Срезневский и, повторяя его, Андреев упоминают только о канонах апостолов Петра и Павла. На самом деле в Устюжской (лист 51б—53б) и в Исаафовской (лист 35б—37) Кормчих перед правилами апп. Петра и Павла приведены ошибочно приписанные этим апостолам 13 правил апостола Павла, причем язык перевода как правил апостола Павла, так и правил апостолов Петра и Павла тот же, что и канонического свода Схоластика и ЗС.

В примечании Андреев пишет, ссылаясь на Срезневского: «Подобное положение и Новгородската Крмчая». На самом деле, в Новгородской Кормчей в данном месте нет ни канонов Трулльского Собора, ни правил Апостолов, и ЗС в этой Кормчей помечен между «Избрания Богом данного Израильтом» и статьей Козьмы Халкидонского. В подтверждение своего возражения Андреев ссылается на 8-ю страницу статьи Вапцини о *Collectio 87 capitulorum*, но там утверждается то, что Андреев отрицает, а именно, что ЗС присоединен к каноническому своду Схоластика, как его гражданская часть.

⁸ X. F. Funk. *Didascalia et Constitutiones Apostolicae, Padebornae, 1905, II, 85—89; Const. Ap. Lib. VIII, cap. 32, 34, 33.*

⁹ Поэтому мнению Андреева, что Номоканон в Устюжской Кормчей заканчивается на л. 55, ошибочно. Он заканчивается там, где и ЗС — на л. 616.

¹⁰ См., напр., *Miracula S. Dimitrii, II, 4, 75—77; A. Tougard, De histoire profane dans les Actes grecs des bollandistes, Paris, 1879, 156—158; Lombard A. Constantin V, Empereur des Romains, Paris, 1902, 97—98; F. Dvornik, La vie de S. Gregoire le Decapelite et les Slaves Macedoniens au IX siècle, Paris, 1926, 10, p. 54, 23—26; В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове. София, 1915, I, I, 224; М. Рајковић. Област Стримон и тема Стримон, отисак из Зборника радова Византолошког Института, кн. 5. Београд, 1958, 1—2 и 5.*

¹¹ Напр., солунский священник Иоани Каменат в своем труде «О взятии Солуни сарацинами» в 904 году объясняет взятие Солуни жадностью жупанов, которые свое обогащение считали более важным, чем общую пользу... (Продолжатель Феофана, гес. J. Bekker. *Вопнае, 1838, p. 513*). О стремлении византийцев приобретать симпатии жупанов говорит, напр., Псевдомаврикий в своем Стратегиконе (*Agiani tactica et Mauricii ars militaris, ed. J. Scheffer. Upsaliae, 1664, p. 281*).

¹² *Zuvoty... (см. прим. 6), стр. 53.*

¹³ История Русской Церкви. Том I, 1. Изд. 2. М., 1901, с. 175—176.

¹⁴ Феофан, Хронография, гес. K. de Boor, I, Lipsiae, 1883, p. 430, 20—21.

¹⁵ Так гласит текст Иасафовской Кормчей, переписанный с наиболее древнего оригинала («Богословские труды», II, стр. 125), а также текст всех рукописей ЗС пространной и сводной редакций, стр. 33, 93, 120, 139 и 243. Издание Академии Наук СССР, М., 1961.

¹⁶ Краткая история, гес. de Boor, Lipsiae, 1880, p. 76, 22—30.

¹⁷ V. Grumel. *La date de l'Eclogie des Isavriens, Revue des Etudes byzantines, N 21 (1963), p. 272—274.*

¹⁸ Данными филологического характера ошибочность болгарской теории достаточно выяснена в статье чешского филолога Йосифа Вашици «K otazce puvodu Zakona sudneho loudem» в журнале Чехословацкой Академии Наук «Slavia» XXX, I (1961), стр. 1—19, но ее убедительности много мешает тенденция автора видеть в византийских памятниках западное влияние и там, где его на самом деле нет. Напр., порядок глав в ЗС он хочет объяснить влиянием памятника западного происхождения *Lex Dei, seu Mosaicarum et Romanarum Legum collatio*, чему он посвящает пять страниц (12—16), причем ему приходится прибегать к сложным натяжкам.

На самом деле не только содержание, но и порядок глав ЗС объясняется целью этого труда Мефодия укрепить верность Византии подчиненного ему славянского войска и поднять его моральный уровень, почему он после вводной главы процессуального содержания на первом месте помещает последний титул Эклоги, говорящей о щедром удовлетворении материальных нужд этого войска, а затем сначала говорит о нарушениях половой нравственности, как о более частых преступлениях, хотя Эклога говорит о них во второй половине XVII титула, а ЗС уже потом говорит об остальных преступлениях, о которых Эклога говорит в первой половине XVII титула, и только в самом конце ЗС говорит о браке и разводе.

На стр. 15 Вашица слишком узко толкует смысл термина «Закон Божий» как Моисеево законодательство. Между тем фразу 4 главы ЗС «блудяшаго по божию закону достонть отдалятися им божиим рабом» следует понимать как ссылку на заповедь апостола Павла «рабам Христовым» «не сообщаться с блудниками» (1 Кор. 5, 9; 7, 22). И в последней главе ЗС, где говорится, что следует «во вся дни Божий закон наставляти», под Божиим законом разумеется главным образом учение Нового Завета, а не только закон Моисеев. Вообще под законом Божиим в ЗС разумеется вся Библия, которую Мефодий не только хорошо знал, но и всю перевел на славянский язык.

Поэтому нельзя согласиться и с Павловым, который в своей книге «Первоначальный славяно-русский Номоканон» (стр. 96, прим. 2) пишет: «Хотя в Эклоге и есть статья, соответствующая 10 главе ЗС, но редакция этой главы указывает на другой источник, именно на «Избрание отъ закона Божия, данного Моисеем». См. Кормч., ч. II, л. 47 об...»

На самом деле редакция этой главы доказывает, что Мефодий дополнил текст 30-й главы Эклоги словами «в поустъ мѣстѣ» и «нде же немогый боудеть кто помогый», взятыми им непосредственно из Библии (Втор. 22, 27), тогда как текст «Избрания» говорит не о всякой девице, а только о девице «совѣшанной» и «обрученной».

¹⁹ P. Ivan Žužek S. I. *Kormcaja Kniga. Studies on the Chief Code of Russian Canon Law. Orientalia Christiana Analecta, 168. Roma, 1964, p. 20.* При этом Жужек добавляет, что «многие частности этой теории пока не кажутся твердо установленными и нуждаются в дальнейшем исследовании».

Думаем, что эта наша статья идет навстречу пожеланию Жужека, поскольку она доказывает, что пока не будут открыты новые источники, наиболее вероятной следует считать не моравскую и тем более не болгарскую, а македонскую теорию.